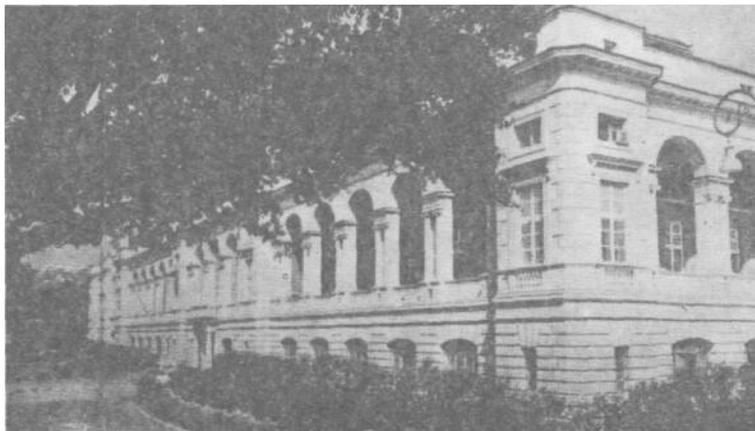

Е. Б. Музрукова, В. И. Назаров, Л. В. Чеснова

**РУССКИЕ БИОЛОГИ
НА НЕАПОЛИТАНСКОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА**

Деятельность Неаполитанской зоологической станции — это не только яркая страница в развитии мировой биологии и образец добровольной кооперации ученых разных стран во имя развития науки, но и памятник более чем векового плодотворного сотрудничества отечественных ученых с их зарубежными коллегами.

Создание этой станции явилось выражением объективной потребности европейских зоологов в поиске новых негосударственных форм организации исследовательской деятельности, ставшей особенно актуальной в 60-е годы XIX в. в связи с общей перестройкой биологии на основе дарвинизма. На первый план выдвинулись тогда такие дисциплины, как эмбриология, сравнительная морфология и филогенетика, призванные доказать генетическое единство позвоночных и беспозвоночных животных. Для обоснования этой идеи требовался массовый материал и прежде всего по морской фауне.

*Неаполитанская зоологическая станция им. А. Дорна —
центр международного научного сотрудничества*

Это главное требование диктовало необходимость создания исследовательских лабораторий непосредственно на побережье незамерзающих морей. Многие крупные зоологи мечтали, чтобы такие лаборатории стали собственным детищем, независимым от каких-либо государственных организаций, университетов и существующих исследовательских центров, и объединяли бы зоологов любых стран на основе собственных побуждений и интересов. Морские биологические станции, возникшие в ряде европейских стран во 2-й половине XIX в., как раз и явились новой формой организации зоологических исследований по всему комплексу как традиционных, так и новых эволюционно-теоретических проблем.

Неаполитанская зоологическая станция, будучи одной из первых морских станций, создававшихся при непосредственном участии русских и предназначавшаяся для длительной стационарной работы приезжающих ученых, не была единственной. В это же время морские зоологические станции были созданы русскими в Севастополе (1871) и в Вилла-Франка (1886). Однако именно в деятельности Неаполитанской станции полнее всего проявились ее особенности как нового типа научной организации.

Претворить идею создания станции на Неаполитанском побережье в конкретный проект выпало на долю двух молодых зоологов — А. Дорна из Германии, ставшего ревностным поборником теории Дарвина, и полупоупендарного русского этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая. Они сблизились и стали друзьями еще в пору учебы у Э. Геккеля в Иенском университете. К совместным действиям по разработке программы создания целой сети биологических станций на морских побережьях разных стран и континентов их подтолкнули повседневные неудобства в исследовании фауны Средиземноморья. Собрав в 1868 г. в районе Сицилии большой материал по сравнительной морфологии беспозвоночных, они в очередной раз убедились, что им фактически негде его должным образом обрабатывать. Плодом многодневного обсуждения этой проблемы и явился детальный проект станции на берегу Неаполитанского залива, известного богатством морской фауны (до своего отъезда в длительную экспедицию Миклухо-Маклай успел также предпринять важные шаги к организации биологической станции в Севастополе).

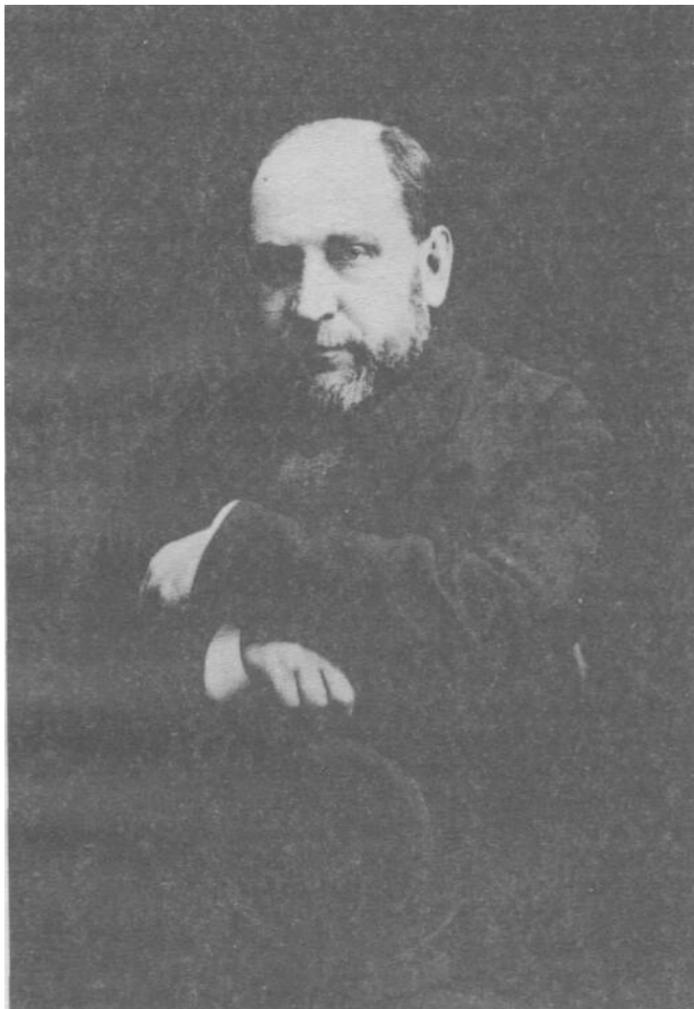
Согласно этому проекту, наряду с исследовательской частью в здании станции предусматривалось разместить большой морской аквариум, который бы служил не только для сохранения зоологического материала в живом виде, но и за умеренную

плату мог бы регулярно принимать посетителей и таким образом приносить постоянный доход. В целях повышения финансового самообеспечения предполагалось также организовать изготовление и продажу демонстрационных образцов и препаратов морских животных. Все это и было осуществлено на практике. В результате станция с ее аквариумом стала важной достопримечательностью города. Что касается образцов и препаратов, то по свидетельству Н. В. Насонова, «консервированные животные выписывались со станции в очень большом размере. В России, можно сказать, не было ни одного университета, который бы не пользовался ими для демонстрации практических занятий или специальных исследований». [1].

Но главной статьей доходов и одновременно организаторским новшеством стала разработанная Дорном так называемая система столов. Так именовались рабочие места, сдававшиеся за плату крупным научным центрам разных стран на определенный срок. Эта система и сделала станцию признанным центром свободного международного общения, способным обеспечить генерирование высокопродуктивных идей и выполнение широкомасштабных научных программ.

По ходатайству Карла Бэра одним из первых арендаторов рабочего стола на станции стало российское Министерство народного просвещения, и первым им воспользовался в 1874 г. ученик И. И. Мечникова и А. О. Ковалевского — В. В. Заленский. В начале XX в. столы на станции арендовали уже 38 университетов Европы и Америки.

Составить проект нового учреждения — это лишь начало дела. Гораздо труднее претворить его в жизнь. Но и в этой области ключевую роль сыграли опять-таки русские исследователи — А. О. Ковалевский, И. И. Мечников, А. А. Коротнев и А. П. Богданов, — ставшие незаменимыми сподвижниками А. Дорна. Существенно, что еще до завершения строительства станции в 1874 г. они подолгу работали на Неаполитанском побережье, собирая материал для обоснования своих глобальных эволюционно-биологических концепций и принимая участие в фаунистических работах своих итальянских коллег. Именно здесь и в значительной мере в 60-е годы были проведены Ковалевским фундаментальные исследования по эмбриональному развитию низших хордовых и ряда беспозвоночных животных. Итогом его работы в Неаполе стала концепция общности происхождения беспозвоночных и позвоночных животных, вытекавшая из установленного им факта развития систем органов и тканей из одних и тех же зародышевых листков.

*Основатель русской школы зоологов в Московском университете
А. П. Богданов*

Русский ученый А.О. Ковалевский

Бок о бок с Ковалевским работал Мечников, проводивший успешные исследования на иглокожих, губках, кишечнополостных.

Интеллектуальное воздействие Ковалевского и Мечникова на умы современников было столь велико, что большинство европейских зоологов оказались в той или иной мере втянутыми в сравнительно- и эволюционно-эмбриологические исследования. Л. Я. Бляхер утверждал даже, что «... все исследователи

зоологической направленности того времени в той или иной мере могут считаться учениками А. О. Ковалевского и И. И. Мечникова» [2]. Подобные открытия, вероятно, были бы сделаны Ковалевским и Мечниковым, если бы они работали в другом городе и в другой стране, но волей судьбы они свершились в Неаполе, и, учитывая их масштаб и значение, не могли не сказаться самым решающим образом на авторитете молодого научного центра.

За авторитетом и признанием последовало и упрочение материального положения станции, в которое внесла свою лепту и Россия. Помимо ежегодной платы за «русские столы» царское правительство и Императорская академия наук, как об этом свидетельствуют архивные фонды, неоднократно выделяли средства на поддержание станции в целом.

Деятельность российских зоологов на Неаполитанской станции, в особенности тех, кто последовал по стопам ее основоположников, до сих пор никем не освещалась. Совершенно неизученными остаются и вопросы взаимодействия русских исследователей, работавших на станции, с представителями зарубежных зоологических и эмбриологических школ в обмене идеями, методическими приемами и подходами к работе. Восполнить этот пробел в истории нашего зарубежья авторам помогли фонды Архива РАН и богатый Архив Неаполитанской станции. В первом в частности хранится 15 писем А. Дорна к А. П. Богданову и (огромная) переписка последнего со всей научной элитой России, а во втором — 20 писем Богданова к Дорну и его супруге и масса писем Богданова к зарубежным зоологам и натуралистам, любезно предоставленных нам хранителем Архива доктором Христианой Гробен.

Даже по чисто количественной оценке масштабы деятельности русских на Неаполитанской станции выглядят весьма внушительно. В период с 1874 по 1927 г. для длительной исследовательской работы на станцию приезжали 153 российских биолога. Многие работали здесь по несколько раз. Так, Н. Н. Заленский приезжал в Неаполь в 1874, 1880, 1881 и 1891 гг., А. А. Коротнев — в 1872—1873, 1881, 1891, 1892, 1893 и 1894 гг., А. П. Богданов — в 1868, 1873, 1885, 1887, 1890 гг. В. Ульянов, А. А. Тихомиров, Н. Ю. Зограф, В. В. Заленский, А. Ф. Брандт, Ф. В. Овсянников, А. А. Остроумов, Н. В. Насонов, З. А. Мейер, М. А. Мензбир, В. А. Вагнер, Н. В. Бобрецкий, В. М. Шимкевич (до 1917 г.), В. Т. Шевяков, В. Н. Беклемишев, Л. А. Зенкевич, В. Г. Хлопин, Н. А. Иванцов (после 1917 г.) — вот лишь отдельные имена из длинного списка российских гостей станции, внесших достойный вклад в отечественную и мировую науку.

Первые русские посетители Неаполя, трудившиеся здесь еще до постройки станции, сталкивались с немалыми трудностями и лишениями. Они почти не пользовались ничьей финансовой поддержкой и рассчитывали, как правило, исключительно на собственные средства. Однако искренняя преданность интересам науки, глубокая приверженность собственным научным идеям и целям одерживали верх над материальными соображениями. При этом своим энтузиазмом, доходившим, по словам К. А. Тимирязева, «порой до почти полного забвения личных потребностей» [3], русские умели зажечь и своих западных коллег.

Подтверждением этого служат многочисленные письма Ковалевского, Мечникова и Коротнева Богданову в Москву. Так, в одном из писем, датированном 16 октября 1875 г., уже широко известный всему миру Ковалевский писал: «В течение моей службы я четыре раза ездил за границу, каждый раз производил по нескольку работ, но ни разу ни университет, ни министерство не выдали мне ни копейки пособия. Только Ваше Общество* помогло мне немного. Если было бы возможно рассчитывать на какое-либо пособие из Москвы, то я бы обратился с просьбой к г-ну министру ... но я во всяком случае не хотел бы ставить мою поездку в зависимость от пособия...» [4].

Из письма Мечникова тому же адресату от 21 сентября 1877 г. [5] мы узнаем, что «крайне стесненное материальное положение» так его подвело, что он не смог поехать на Неаполитанскую станцию, куда его «ужасно тянуло для разработки морфологии губок». Чтобы сделать такую поездку возможной и продолжить свои зарубежные исследования Мечников просит Богданова пристроить в издательство выполненный им перевод одного иностранного сочинения по антропологии в расчете на получение гонорара.

На материальные затруднения сетует Богданову и Н. Ф. Кашенко в письме из Германии [6]. Он пишет о своих успешных занятиях в Гессенском университете и настоятельном желании продолжить исследования на Неаполитанском побережье и сообщает, что из имеющихся в его распоряжении скудных средств он должен оплачивать расходы на переезды и приобретение необходимых инструментов, так что «...нужно свои личные потребности снизить почти до положения нищего». Кашенко добавляет в этом же письме, что «...получил не-

* Имеется в виду Общество Любителей естествознания, антропологии и этнографии, создателем и руководителем которого был А. П. Богданов.

которые сведения относительно зоологической станции во Франции. Материальная обстановка, по-видимому очень хороша, но можно ли **в научном отношении** (выделено нами — *Е. М. и др.*) сравнивать эти станции с Неаполитанской? Это мне кажется сомнительным...». Вот позиция истинного рыцаря науки и одна из причин необычайного взлета отечественной зоологии.

Самоотверженность и полная самоотдача в работе, личное бескорыстие и искреннее дружелюбие снискали российским исследователям высокий авторитет и уважение со стороны сотрудников станции. Эти же качества способствовали установлению на Неаполитанской станции атмосферы доброжелательного партнерства и сотрудничества, ставшей нормой ее жизни. Каждый ученый из России считал для себя делом чести участвовать в общей программе, ориентированной на систематическое изучение фауны и флоры Средиземного моря, публиковать свои труды в изданиях станции и поддерживать сложившиеся традиции. Конечно, тем, кто приезжал сюда позднее, было намного легче, поскольку они оказывались на всем готовом, им не нужно было ничего создавать и оборудовать, заниматься обременительными хлопотами для удовлетворения насущных материальных потребностей. Они могли всецело отдаваться своему любимому делу и, как свидетельствуют их исследования по онтогенезу беспозвоночных, были достойны своих знаменитых предшественников.

О научном престиже русских зоологов говорит хотя бы такой редкий случай в практике станции, когда приехавший для временной работы за своим национальным столом был зачислен в штат станции. Именно это произошло с учеником Усова и Овсянникова — Э. А. Мейером, сумевшим за период работы на станции с 1882 по 1889 г. добиться особо впечатляющих успехов.

С особой теплотой и заботой относился ко всем членам «русской колонии» сам А. Дорн, а затем и его сын Рейнхард, сменивший в 1909 г. отца на посту руководителя станции. Этому в известной мере способствовали субъективные обстоятельства. Антон Дорн был женат на Марии Барановской, русской по происхождению. Высокообразованная женщина, она стала для него главным связующим звеном с русской наукой и культурой. Примеру отца последовал и его сын и преемник, также женившийся на русской — Татьяне Живаго, находившейся в самом тесном контакте со многими семьями московской интеллигенции. Неудивительно, что в доме Дорнов говорили и писали по-русски, а каждому новому русскому на Неаполитанской станции особенно радовались.

А. Дорн состоял в дружеской переписке почти со всеми членами «русской колонии» в Неаполе. В архиве станции бережно сохраняются письма к Дорну А. П. Богданова, В. Н. Ульянина, М. М. Усова, В. В. Заленского, М. В. Остроумова, А. А. Коротнева, Н. Ф. Кашенко, А. Щепотьева и других известных отечественных зоологов.

Особенно тесная многолетняя дружба связывала А. Дорна с А. П. Богдановым. Их объединяли не только общие профессиональные интересы, но и близость общебиологических взглядов и мировоззрения, а также то, что оба они не мыслили себя вне самой активной организационной и общественной жизни. И тот и другой были воодушевлены теорией Дарвина, разделяли идею единства животного царства и признавали приоритет в ее обосновании русской эмбриологической школы Ковалевского — Мечникова.

Сохранившаяся переписка этих двух ученых, которым столь обязано развитие зоологии и биологии в целом, свидетельствует о том, что они поверяли друг другу свои главные заботы, делились планами и надеждами, всегда старались помочь друг другу в реализации задуманных проектов. Богданов неоднократно писал о бедственном положении науки в своей стране и просил позаботиться о русских исследователях, приезжающих в Неаполь. Дорн делился новостями на станции, отмечал успешную деятельность россиян, просил присылать те или иные научные издания и труды своих коллег.

Так, в трех письмах 1884, 1885, 1888 гг. [7] Богданов пишет Дорну о своем стремлении сохранить за Россией два стола, а затем начать переговоры по поводу третьего и просит его позаботиться о финансовом обеспечении на станции своих учеников, а также московских зоологов Тихомирова, Коротнева, Вагнера, Мензбира, Ульянина, которые хотели бы приехать поработать на станцию, но не имеют на это средств, а он — Богданов — ничем не может им помочь.

Характерно письмо Богданова, датированное 6 марта 1881 г. В нем он в частности пишет «...последнее время у меня трое наших зоологов рвутся к Вам в Неаполь, но условия нашего общества не позволяют пока дать им средства на поездку... Теперь хлопочу, чтобы хоть одного отправить поскорее.* ... Если Заленский у Вас, то пожалуйста, поклонитесь ему от меня... Как там он устроился ... есть же такие счастливые люди...» [8].

* Речь идет, по-видимому о В. Н. Ульянине, который провел серию перво-классных исследований по развитию бокоплавов и боченочников и получил возможность работать на Неаполитанской станции в 1881 г.

В письме от 2 июня 1884 г. Богданов с горечью отмечает, что российская бюрократия во все времена отличалась своим равнодушием к фундаментальным проблемам науки, и русские чиновники крайне скупились на финансирование фундаментальных исследований. «Сегодня у нас, — пишет он, — модное слово — экономия и еще раз экономия, и не на предметах шика и шампанском, а на «бедном детище» — на науке. Наука не пользуется успехами в нашем обществе, а правительство мирится с этим положением ... Где теперь наши меценаты и благодетели? Они жертвуют, но не на научные цели...» [9]. Заметим, что и сам Дорн очень часто испытывал финансовые затруднения. В поисках средств на нужды своего любимого детища — зоологической станции — ему постоянно приходилось ездить по европейским странам, России и Америке, произносить речи, обращаться со страстными призывами к ученым, политикам и просто к богатым людям с просьбами о денежной помощи. Поэтому, может быть никто другой, как Дорн, лучше всего понимал своего московского коллегу.

Со своей стороны Дорн в письмах, адресованных Богданову, выражает свое живейшее участие в судьбе и работе русских зоологов, всячески старается привлечь их на станцию и огорчается, когда это не удается сделать. Например, в письме от 8 июня 1885 г. он высоко оценивает работы Ульянина, Бобрецкого и пишет, что опечален их отъездом. «Надеюсь, — добавляет Дорн, — что вскоре оба ученых обнародуют результаты своих исследований в Зоологической станции и возвратятся, чтобы продолжить свои занятия» [10]. Далее он говорит о необходимости содействия и помощи русским исследователям, желающим работать на станции, как со стороны русских научных обществ, так и отдельных ученых и в особенности Богданова лично. С ходатайствами об их финансовой поддержке Дорн неоднократно обращался непосредственно в Министерство народного образования России, как об этом свидетельствует ряд писем, хранящихся в архиве на станции [11]. Впоследствии такую же заботу о русских исследователях в Неаполе проявлял и его сын.

Иногда из-за занятости Дорна по его поручению Богданову писала его жена. Так в письме от 14 декабря 1875 г. после запроса о судьбе и работе нескольких русских ученых она спрашивает, получил ли Богданов от Дорна модель столов Зоологической станции, которая была ему послана в Москву две недели тому назад.

Предметом особой гордости Неаполитанской станции была и остается ее научная библиотека. С самого начала, согласно

договоренности Дорна, она формировалась за счет трудов, присылаемых самими авторами, а также книг и журналов, направляемых крупнейшими европейскими издателями. Естественно, много литературы, зачастую весьма редких изданий, шло сюда из России. И Дорн не устал напоминать своим русским коллегам и друзьям об этой их обязанности. К примеру в уже приводившемся письме 1875 г. [10] Дорн писал Богданову: «...обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой снабжать нас для общей пользы всеми Вашими и другими изданиями по естественным наукам, выходящим в России».

При активном содействии и участии русских зоологов Дорном была основана серия научных журналов — *Mitteilungen der Zoologischen in Neapel* и *Zoologischerbericht* — в которой публиковались не только исследования, выполненные на станции, но и наиболее значимые труды по зоологии со всего мира. Кроме того, результаты исследований животного и растительного мира Средиземного моря получили отражение в многотомном издании «*Fauna und Flora des Golfes von Neapel*». Проанализировать и оценить солидный массив публикаций русских авторов в этих изданиях — актуальная задача историков биологии.

В 1917 г. многолетние связи российских зоологов с Неаполитанской станцией были прерваны. Советское правительство отказалось субсидировать аренду столов (к тому времени на станции было уже четыре русских стола), а на путях, ведущих за границу по другим каналам, новой партийно-государственной бюрократией были возведены такие преграды, которые царским чиновникам и не снились. Эпизодические поездки в Неаполь отдельных советских ученых стали возможными лишь благодаря личной договоренности Р. Дорна и Н. П. Горбунова, тогдашнего вице-президента ВАСХНИЛ и главного ученого секретаря АН СССР, личного друга Н. И. Вавилова. Но и этот канал оказался блокированным в 1937 г., когда Горбунов пополнил собой печальный список репрессированных. Научные связи с Неаполитанской зоологической станцией начали медленно восстанавливаться лишь после 1959 г., но это уже предмет особого разговора.

Литература

1. *Насонов Н. В.* Антон Дорн. Некролог // Изв. Имп. Академии Наук. 1909. Отд. оттиск. С. 10—17.
2. *Бляхер Л. Я.* История эмбриологии в России XIX—XX вв. М.: Изд-во АН СССР. 1959. С. 29

3. *Тимирязев К. А.* Очерки и статьи по истории науки: Развитие естествознания в 60-е гг. // Собр. соч. Т. 8. Сельхозгиз. М.: 1939. С. 176.
4. *Ковалевский А. О.* Письмо А. П. Богданову от 16 октября 1885 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2/334. Ед. хр. 309. Л. 1.
5. *Мечников И. И.* Письмо А. П. Богданову от 21 сентября 1877 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 425. Л. 23.
6. *Кащенко Н. Ф.* Письмо А. П. Богданову от 24 декабря 1886 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 294. Л. 3.
7. *Богданов А. П.* Письмо к А. Дорну от 15 июня 1884 г. // Архив НЗС. Ф. Переписка А. Дорна с русскими зоологами.
Богданов А. П. Письма к А. Дорну от 25 октября 1885 г. и от 27 февраля 1888 г. // Там же.
8. *Богданов А. П.* Письмо к А. Дорну от 16 марта 1881 г. // Архив НЗС. Ф. Переписка А. Дорна с русскими зоологами.
9. *Богданов А. П.* Письмо к А. Дорну от 2 июня 1984 г. // Архив НЗС. Ф. Переписка А. Дорна с русскими зоологами.
10. *Дорн А.* Письмо к А. П. Богданову от 14 декабря 1875 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 208. Л. 1.
11. *Дорн А.* Письма к А.П. Богданову от 25 октября 1885 г. и от 27 февраля 1888 г. // Архив НЗС. Ф. Переписка А. Дорна с русскими зоологами.